

Мой дедок

Почему белгородским доктором Вячеславом Манохиным гордится внучка

ЛИЧНОСТЬ Так уж получилось, что для меня дедушка с самого моего детства – лучший собеседник, друг, компаньон. Где бы я ни была, всегда думаю о нём, мысленно советуюсь или даже спорю с ним, а уж когда встречаемся – нет на свете парочки счастливее! И зову я его дедком не потому, что так научили, а потому, что нет у меня для него слова нежнее и дороже.

ОТ ЛАБОРАНТА ДО АПТЕКАРЯ

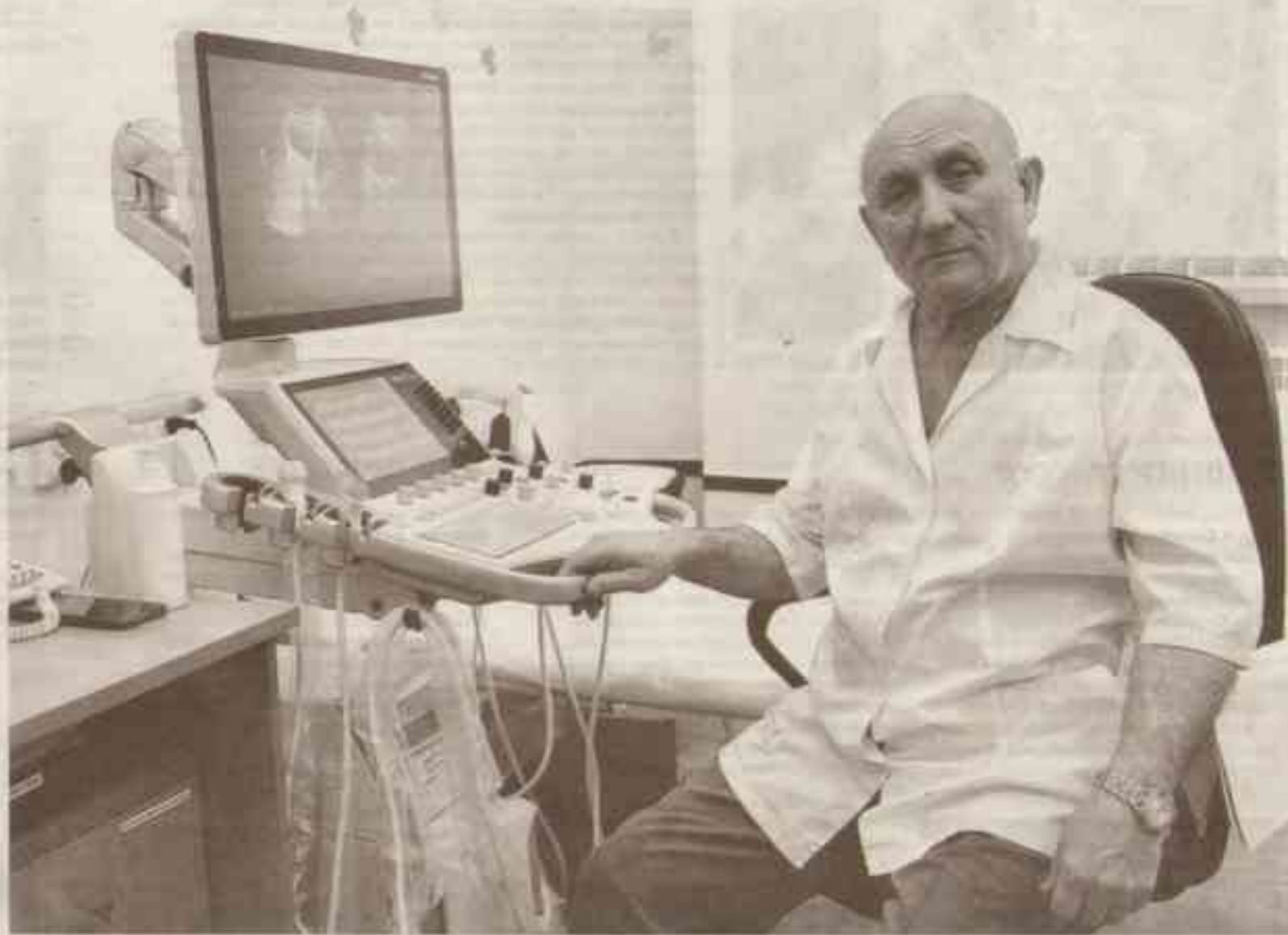
Мой дедок, **Вячеслав Манохин**, рос в новооскольском селе Шароповка вместе со старшими братьями – родным и сводным. Отец, председатель колхоза, целыми днями работал, воспитанием мальчиков занималась его вторая жена, заменявшая маленькому Славику рано умершую мать.

– Мы жили в мире и согласии. Всё детство гуляли на улице, ездили к бабушке на хутор Красная Долина: летом ходили на пруд и плантацию шелковицы, а зимой катались с горок на санках и лыжах, – вспоминает дедок.

После восьми классов он по совету отца поступил в Белгородское медучилище:

– Я окончил четыре курса в так называемой спецгруппе, где готовили фельдшеров для армии.

К концу обучения он получил повестку и, сдав экзамены, уехал на учебную базу в Ленинградскую область. Там ему надлежало освоить специальность лаборанта МАВС – машины по обработке воды от ра-

диоактивных и химических веществ.

– Полгода мы перенимали опыт, выезжали на практику: на озерах располагали бойлеры, прогоняли воду через установки в машинах, и она выходила чистой и обеззараженной – пригодной для уборки, стирки, готовки, – поясняет дедок.

Потом была воинская часть в Германии, где ему доверили ведение аптеки. При ней содержался склад неприкосновенного запаса медикаментов на случай боевых действий: таблетки, мази, ампулы, шприцы, требующие особых условий хранения и регулярных проверок сроков годности.

– В этом заключалась моя служба – заниматься складом ИЗ и готовить препараты для полкового медицинского пункта. Предшественник показал мне, как взвешивать порошки, разводить мази; объяснил, какие лекарства можно отпускать, а какие нет. В общем, посвятил во все дела, – рассказывает дедок.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЛАН

После армии, снова по научению отца, ечерашний солдат-срочник отправился в Москву, но в Первом медицинском имени Сеченова не прошёл собеседование на программу подготовки. Вышел перекурить и разговорился с одним из абитуриентов.

– Меня в две группы записали – четвертую и шестую. Буду в четвертую ходить, – сообщил тот.

У дедка возник гениальный план: он попросил парня разрешить ему ходить в шестую группу под его именем. На том и порешили. Главное – на курсах разобрался в сложной про-

грамме по химии: свободно писал окислительно-восстановительные реакции и решал задачи.

Правда раскрылась только на последнем экзамене, когда преподаватель заметила несоответствие фамилии в документах. Но дедок успешно выполнил задания и поступил в вуз.

И началась студенческая жизнь – о ней он до сих пор вспоминает с восхищением: в вузе был огромный музей с потрясающими экспонатами, лекции вели знаменитые на весь Союз профессора, а на один из уроков привели сиамских близнецов – сестёр **Марию** и **Дарью Кривошляповых**.

Летом студенты вступали в стройотряды. Как-то дедок на полтора месяца уехал ремонтировать железную дорогу на Сахалин:

– Нас было 80 человек, которых разделили на два отряда и поручили чинить отдельные части дороги. Из них выделили рыболовов и поваров – тогда как раз началась путина. А погода на Сахалине удивительная была: сегодня солнце светит, ветра нет, температура +30, а завтра может налететь шторм и холод жуткий.

Учебу удавалось совмещать с работой на полставки медбратом в клинике имени Гарева. Дежурства приносили в месяц 42 рубля – хорошее подспорье к стипендии и родительской поддержке по тем временам.

ИЗ ГЛУБИНКИ НА ЧУЖБИНУ

Став дипломированным врачом, дедок отправился по распределению в интернатуру и распоряжение облздраводела в Белгород. Под наблюдением наставников лечил пациентов областной больни-

цы. А год спустя его определили терапевтом в губкинское село Архангельское – отдаленную деревню, к которой и дороги-то не было. Осенью и весной по размытой дождями грунтовке он выезжал на вызовы к больным за 5–10 км на линейке с небольшой лошадкой в упряжке. Зимой, когда путь к поселению заметали метели, бричку сменяли санями.

– 1978 год – такие морозы ударили, что солярка в тракторах замерзала! Женщины в деревне замуж повыходили, начали рожать зимой. Мы вызываем скорую из Губкина, она не может доехать – дорогу занесло пургой. Сказали: «Справляйтесь сами». Пришлось принимать роды в сельской больнице, хоть это запрещалось, но девать-ся некуда. Благо у нас была опытная акушерка – она руководила, а я помогал, – говорит дедок.

Потом он переехал в Троицкое, став заместителем главврача по оргметодработе. Лечил людей в Губкинской ЦРБ 5 лет, а позже улетел в Северную Корею – на врачебную службу в аппарат экономического советника при посольстве.

В Пхеньяне он отправился вместе с женой и сыном, лечил советских людей, занятых в КНДР добычей полезных ископаемых, строительством металлургических заводов и атомных электростанций. Если требовалась помощь узкого специалиста, сопровождал пациента в корейский госпиталь, в котором, на удивление, все доктора хорошо владели русским языком.

– Некоторые подопечные жили за 700 км от нас, в Чхонджине. Туда я ездил раза два в год на пару недель, чтобы провести вакцинацию сотру-

дникам комбината и их семьям. Дело в том, что в той местности очень распространен был японский энцефалит. Прививаться от него обязательно: если этого не сделать, высока вероятность, что человек заболит и умрёт, – подчёркивает дедок.

А пока он там гостил, с товарищами отмечали праздники, рыбачили на море, жарили улиток на гриле.

ЛАСКОВЫМ СЛОВОМ

В 1989 году мой дедок переехал в Белгород и устроился в детскую областную больницу, где ему поручили овладеть навыками ультразвуковой диагностики. Осваивал специальность в Москве и еще не раз возвращался туда для повышения квалификации.

На всю жизнь запомнил он свой первый УЗИ-аппарат – Toshiba SAL-38. По его словам, это было довольно хорошее устройство, хоть и не идёт ни в какое сравнение с нынешним оборудованием:

– На первом аппарате я ставил датчик, допустим на почку, и видел её контур, возможное расширение собирательной системы. Но из-за нечёткого изображения порой приходилось догадываться: есть ли что-то критичное или нет. Сейчас визуализация совершенно другая, мы много чего можем ясно увидеть и определить.

Осматривать детей – не то же самое, что взрослых, ведь им не доказать, что УЗИ вовсе не страшная и болезненная процедура. Пациенты постарше, как правило, умеют справляться с волнением, а самых маленьких приходится успокаивать ласковым словом и завлекать стоящими в кабинете игрушками. Мно-

гое зависит и от родителя: если он не нервничает, то и ребёнок лежит спокойно.

– А иногда бывает так, что ничего не помогает: он кричит, дергает руками и ногами. Тогда указываем в справке, что провести исследование не представляется возможным из-за поведения ребенка, – отмечает дедок.

Дети в реанимации тоже требуют ежедневного наблюдения: ультразвуковая диагностика позволяет проконтролировать динамику их состояния. В приемном покое специалистам УЗИ отведён кабинет, где дежурит доктор, и при вызове в отделение интенсивной терапии он направляется к больному с портативным аппаратом.

Мой дедок прошёл путь от врача ультразвуковой диагностики до заведующего отделением, оставив пост руководителя в прошлом году по состоянию здоровья. За годы служения профессии больница стала для него вторым домом, а кабинет УЗИ – уютным уголком. Более 40 врачей он обучил ультразвуковому исследованию и помог докторам, лечившим взрослых, привыкнуть к общению с маленькими пациентами.

– Мне нравится в моей профессии всё, честно скажу, – признается мне дедок.

А я признаюсь ему:

– Мне нравится в тебе все: и твой характер, и твой взгляд на жизнь, и твой подход к делу, а самое важное – отношение к людям, которые стали главным не только в твоей профессии, но и во всей жизни.

Оттого и уважаю. Оттого и ценю. Мой самый лучший в мире дедок. БП

ФОТО ВАЛЕРИИ ШАТЬКО